

18+

Елена Алябьева

Нечеловеческий взгляд

Елена Евгеньевна Алябьева

Нечеловеческий взгляд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31182705

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2441-7

Аннотация

В сборник вошли рассказы о существах очень разных – от привидений и кикимор до слишком умных роботов и даже неземлян. Все они не люди, хотя их жизнь тесно связана с человеком. Как происходит это общение? Почему мы перестали встречаться с домовыми? Робот – это «Что такое?» или «Кто такой?» Красив ли землянин? Вряд ли автор однозначно ответит на все эти вопросы, но каждый читатель сможет подсмотреть, как мелкий дух пытается устроить жилище в большом городе, зачем домашний робот с улыбкой на лице (или на панели управления?) добывает прабабушкин фарфоровый сервиз и как в одной квартире могут одновременно ужиться кот, фрейлина и пришелец.

Содержание

Остановка	4
Любовь Тимофея к прекрасному	11
Волшебство, которое не видят	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Остановка

– Люблю я станции на Юпитере. Какие там водородные ингаляции! Век бы дышал. Местные, конечно, странные, но общаться можно.

– Уж больно на дикарей похожи.

– Зато лихо о жизни рассуждают. Натуральные философы.

– Я для остановок Марс предпочитаю. Покачаешься в метановом гамаке или в паровой камере отмокнешь. Вокруг никого. Тишина. Хоть отдохнешь от полета.

– Да, в спокойствии есть своя прелесть.

– Не то что на Земле.

– А на Земле никому не нравится. Там по закону до сих пор зеркалиться надо. Только лишний раз понервничаешь.

– В нашей работе безопасность – прежде всего. В газете писали, что тамошняя цивилизация совершенно не может слова в цветном спектре различать. Они до сих пор пользуются звуковой передачей.

– Вот это точно дикари.

– Твоя правда. Потому и не едут туда наши дипломаты контакт устанавливать.

– Еще бы! Кому охота собственный звук тратить? Даже если сразу не помрешь, то по врачам потом летать будешь до

самого удыха¹.

– А могли бы, к примеру, робота послать. Этим звуковая волна нестрашна. Все стерпят.

– Роботы – это ненадежно. Слышал, как они на Фульгоре² покопались?

– Да, что-то слышал.

– Так вот. Там местных вообще не осталось. Теперь все кричат: Интервенция! Интервенция!

– Раньше надо было думать. Без разбору планетарный климат менять – это все равно что на звуковой волне покачаться. Потом либо мозги повернутся, либо околеешь.

– Видать, на нашем веку не дождемся мы отмены зеркального закона.

– Да, ничего не поделаешь. И как назло, орбита у Земли самая выгодная – до половины станций от нее напрямик доберешься.

– Жаль еще, что видимость там плохая. Атмосфера-то плотная, сразу все искажает. Пока разберешь, кого зеркалировать...

– Что верно, то верно. Всякое может случиться, когда видимость плохая. Тут надо с особой аккуратностью действовать.

– Вот я тебе расскажу, как в прошлом году пришлось мне на Земле остановку сделать. Помню, был на том месте пу-

---

¹ Нечто среднее между смертью и озарением.

² Название планеты, расположенной примерно в 254 детацитах от Земли.

стырь всегда. А тут посадил машину и гляжу: поля вокруг обработаны, много всего понастроено. Хорошо, что аборигены, когда Солнца не видно, в основном по отсекам прячутся.

– Интересно, кстати, почему. Боятся что ли?

– Вряд ли. Ведь некоторые и по темноте шатаются.

– Значит, энергию берегут. Наверное, у них органы перемещения на солнечном излучении. Не очень-то удобно.

– Согласен. Это каменный век. Но тогда я подумал, что мне повезло.

– В тишине всякому хорошо работать. Никто не мешает.

– Однако какой-то активист все-таки нашелся. Радар его не сразу засек. Приборы у нас несовершенные. И когда эти инженеры наконец займутся видимостью в тяжелых газах? Неужели так сложно?

– По-моему, совсем несложно.

– И я так думаю. А они все никак не сподобятся.

– Лентяи наши инженеры, вот что я тебе скажу. Понапридумали всяких гипопространств да телепатий.

– А на что мне их телепатия, когда груз надо вовремя доставить?

– И заказывают эти ученые все время какую-нибудь чепуху, а чуть запоздаешь, так сразу: «Срыв научной работы!», «Антипрогресс»! А чтоб позаботиться об улучшении видимости в азоте – нет их.

– Посадить бы их тогда в мое кресло. Уж я посмотрел бы, как они с машиной справятся, когда дальше восьми цитов

ничего не видеть.

– Ого, не повезло тебе.

– Еще этот абориген идет. Медленно так. И все глаза трет.

– Наверное, резкость настраивал.

– Или батарейки садились. Темно было.

– Если бы батарейки садились, то он бы по ним постучал, чтоб остатки энергии собрать. От трения-то много толку не будет.

– Тоже верно. Но, с другой стороны, у них атмосфера шибко густая. Может, в ней трение эффективнее.

– Остановка в густой атмосфере – хуже не придумаешь.

– Не то слово! У меня тогда еще и пространственная лампа вышла из строя. Надо было срочно проверить, а там этот идет. И, главное, в мою сторону, прямо на меня идет.

– Любопытный попался. Ну, а ты что?

– Я, как полагается, зеркалируюсь. Все-таки непонятно, зачем это *нам* надо.

– Забота о психике отсталых цивилизаций. Чтоб аборигены не пугались.

– Да они сами такие страшные: перемещаются на двух переставных палках, а две запасные по бокам болтаются. Удивляюсь, как они не падают при такой гравитации.

– Да, иной раз зеркальнешь – потом сам себе противен.

– Ну, другие мы на внешность. Что за беда? Кроме того, там сплошной азот да еще с кислородом вперемешку. Все равно ничего толком не разглядишь.

– А тот сильно страшный был?

– Да нет, не сильно. Противный только. Вижу, идет, то ли в мешке, то ли обернулся во что, здоровенный такой и по цвету будто копченый. Голова у него маленькая, круглая, глаза узкие, прямо гуманоид. Фу...

– Ну, гуманоиды еще не очень страшные.

– Не люблю я таких, понимаешь. Еще трава на башке растет желтая и покачивается, когда он свои ходули переставляет.

– Да, такой приснится – не проснешься.

– Но я насчет закона строг. Зеркалировался, спускаюсь из кабины, тоже копченый и с травой. А он ко мне. Спрашивается, зачем?

– Напасть хотел?

– Да нет. Этот тихий был. Но я ценный груз вез, а в инструкции четко написано: не допускать никого ближе, чем на пять цитов. Я ему посветил для предостережения. Он вроде остановился и смотрит, как я лампу чиню. Не люблю я, когда над душой стоят во время работы. Если бы не закон, врезал бы я этому аборигену по ходулям или в гляделку дал.

– Так и не ушел?

– Потом вроде ушел. Но только я успокоился, он опять. Еще волочит за собой какой-то мешок. Я снова на него маяк направляю. Мол, не подходи. Он приближаться не стал, поставил этот мешок на землю, пробормотал что-то и ушел. Я думал, сейчас где-нибудь спрячется, следить будет, но де-

тектор НДО³ ничего не показал.

– А что он там бормотал?

– Знаешь, у меня модель транслятора уже старая. Говорит, это он для меня притащил. Остальное я не разобрал.

– А мешок-то взял?

– Ну, да.

– И что там?

***

Видел я сегодня неело⁴. Дело было часов в пять утра. Заря только занималась, туман в полях еще не рассеялся. Луну тучи заволокли. Словом, темно вокруг. Выхожу я из дому, направляюсь к сараю трактор проверить, потому как настала теперь пора посева удобрять. Вдруг вижу, холодильник в поле стоит! Конечно, спросонья да в полутьме чего только не покажется. Но не совсем же я, старый дурак, ума лишился! Глаза потер, посмотрел еще раз: точно холодильник, только большой очень. Подошел поближе, а это корабль целый. Немного на ракету похож, только с тупым концом. Красивый такой, в темноте немного посверкивает. Думаю, наверное, авария. Иначе зачем рядом с фермой приземляться? Потом пилота заметил, пошел к нему. Надо же помочь чело-

---

³ Неопознанные двигающиеся объекты

⁴ Особенность произношения аббревиатуры НЛО некоторыми обитателями планеты Земля

веку. А как пригляделся, так сразу понял: не человек это, а совсем даже наоборот! Маленький, тощенький. В чем только душа держится? У нормальных пилотов, пусть даже неело, скафандр должен быть, а у этого только широченные штаны. Хотя, может быть, летел издалека и в пути поистрепался. Успел я еще подметить, что кожа у него переливается – точь-в-точь копченая скумбрия. Голова большая, длинная и шлем на меху. Глаза навывкате, как у гуманоида. Словом, последняя лягушка на болоте и то краше будет.

Стоит он у своего аппарата, изучает. Чинить, значит, собрался. Ну, я к нему. Мол, помощь нужна? Он вдруг испугался, фонарем светит, а у самого щупальца дрожат. Не стал я приближаться. Пошел в сарай, взял мешок, положил туда старый инструмент и понес ему. Я-то сразу смекнул, что он горе-специалист. У меня глаз наметанный. Прокопается, думаю, до самого рассвета. Еще работников мне перепугает!

Как он увидел, что я к нему иду, опять фонарем начал махать. Я уж не стал его страшить. Ежели толковый пилот, то сам должен справиться. Оставил ему мешок и поехал поля удобрять. Некогда мне. Вечером заглянул на то место, но его уж нет. Починил, видать. А инструмент, кстати, забрал. Ну, пушай пользуется. У меня этого добра полно.

Любовь Тимофея к прекрасному

Как же я обожаю эту комнату – столько любимых вещей в одном месте! Нет больше таких комнат! И не было никогда. Ну, только если совсем-совсем давно, в какой-нибудь прошлой жизни. И уж наверняка таких комнат не предвидится, по крайней мере, в ближайшем будущем. Во-первых, она всегда светлая. Солнце встает и первыми же лучами прогревает все уголки. Летом, конечно, жарковато. Но в такие дни всегда можно постоять под кондиционером, хотя, откровенно говоря, он шумноват и холодноват. Если совсем печёт, есть одно знатное местечко: прямо на полу, справа от дивана. Подлокотники высокие и не пропускают прямые солнечные лучи. А там тенек, и от пола прохладца... Словом, сиди и делай, что хочешь. А делать тут можно столько всего, что и не перечислить. Занятия на любой вкус найдутся.

Вот недавно случилось у меня какое-то томление. Весь вечер ходил туда-сюда. Никак не мог себе места найти. Надоел всем домашним, гостям и себе в том числе. А что делать, раз такое настроение? Но потом меня осенило, что первейшее средство от любого томления духа – это, конечно же, хорошая книга. Отправился я в свою заветную комнату. А там литературы видимо-невидимо. Полки стоят до потолка. Пыльноваты, конечно. Пока до нужной книги доберешься, весь перепачкаешься. Потом еще отругают: «Что это ты та-

кой грязный?» Я-то отмоюсь, а кой-кому можно было бы почаще убираться.

Книги я люблю, особенно в хороших переплетах. Не в гляцевых, нет. Они красивые, но теплоты в них мало. Самая правильная обложка – из ткани. Пусть на ощупь немного шершавая, но зато уютная. Так и хочется ее потрогать. А тонкие съёмные обложки я вовсе не люблю. И рвутся быстро, и вообще мешают. Вот Александр Сергеевич стоит. «Руслан и Людмила». Ах, как люблю я это издание! Огромная книга в красном шелковом переплете с вышивкой золотыми нитями. Там еще закладочка в виде тонкой ленты высовывается – с ней так и хочется поиграть.

Я уже не говорю про диван. Если на него присесть и облокотиться книжками, то через пять минут ты уже облокотился на мягкую спинку и откинул голову, и мысли бегают, и даже веки от удовольствия прикрыты. А еще через пять минут уже видишь самого себя как бы с высоты: ты по-прежнему на диване, но уже лежишь, глаза совсем закрылись, и мягкая подушечка рядом греет. Вдруг в полудрёме вспомнишь, что где-то на кухне оставалась чашечка с чем-то вкусным. Мысль об этом радует душу. Ты знаешь, что, когда встанешь, можно будет эту чашечку, жмурясь от удовольствия, опустошить. Но это потом, а пока ты грезишь на обнимающем тебя диване в окружении классиков. Да, да, в этом выборе я консервативен. Современные авторы мешают раздумьям и философскому настроению, от них всегда какие-то суматошные сны

появляются. Поэтому я неизменно предпочитаю классику.

Так рассуждал Тимофей, поглядывая на разноцветное содержимое библиотеки. В это время в комнату вошла Екатерина Дмитриевна. Она взяла с полки большую темно-зеленую книгу, села на диван и, почесав Тимофея за ушком и погладив его полосатую спинку, стала читать. А он, пребывая с самого утра в прекрасном расположении духа, прижался к ней своим пушистым бочком и почти задремал, однако быстро проснулся от неприятного уличного звука. Любопытство стало зудеть где-то под ложечкой, отчего Тимофею пришлось встать и запрыгнуть на подоконник, чтобы узнать, в чем дело.

«Боже мой, это же неандертальцы!» – с ужасом смотрел и думал Тимофей. Ему стало невыносимо стыдно за то, что есть в этом мире представители его породы, не только невоспитанные – это еще ладно – но к тому же совершенно необразованные. Стоит выглянуть во двор, и там будет полно личностей, от которых просто бросает в дрожь. С ними не то что разговаривать, даже стоять рядом противно. Шпана безграмотная. Или заблудшие какие-нибудь. Откуда только берутся? Нет, раньше все-таки было спокойнее. А теперь... А что теперь? Понабежали эти немытые варвары, от которых никакого покоя. Говорят, в приюте вдруг сменился хозяин, а он, видите ли, собак предпочитает и жалеет их, а коты ему мешают жить, вот и выгнал всех на улицу. Так они теперь тут свои беспризорные порядки устанавливают!

Допустим, весной орут все – это можно понять. Но чтобы круглый год! Это даже неприлично. У них выводок за выводком, и вся их мелюзга тоже орет чуть не с пеленок. По домам и во дворе везде лазят, пачкают. Настоящие варвары! – мысленно рассуждая о невоспитанности уличных котов, Тимофей от раздражения постукивал хвостом по теплому подоконнику. Ему хотелось посмотреть в окно и понаблюдать за жизнью на Земле, но неприглядные картины некультурных соседей мешали ему познавать мир. Он периодически отворачивался от окна и недовольно щурил глаза.

– Ну, что ты разглядываешь? Уж не знакомая ли у тебя там? – игриво проговорила Екатерина Дмитриевна, заметив нервное возбуждение Тимофея.

– Ах, оставьте! Что за глупости! – в еще большем раздражении подумал Тимофей, но отвечать не стал. Он демонстративно отвернулся от окна, а когда Екатерина Дмитриевна подошла и попыталась его погладить, и вовсе отпрыгнул на пол и скрылся в закоулках библиотечных полок.

Окончательно расстроенный, он возлежал на потрепанном многотомном издании Антона Павловича Чехова и предавался размышлениям: «Если бы она не приносила мне регулярно еду и не устраивала сеансы терапии путем поглаживания шерстки на спинке, поскребывания подбородка и почесывания за ушками, то не уверен, стал бы я ее терпеть в своем доме или нет».

Конечно, она знатная дама. Все-таки внучка фрейлины. Но, с другой стороны, он и сам, вероятно, не крестьянин. Хотя, честно говоря, плохо помнит, где родился. Слишком маленьким его принесли в эту квартиру. Вполне возможно, что предки его могли попасть в горнило революции. Про это самое «горнило» Тимофей как-то слышал в разговоре Екатерины Дмитриевны с гостями, и слово ему чрезвычайно понравилось. Было в нем что-то величественное и напоминало Тимофею, как он из открытого окна рассматривал собак, которые безнадежно лаяли на него снизу вверх, но всегда вынуждены были признать, что до высот Тимофея (все-таки третий этаж) им так же далеко, как, например, до Китая. Может статься, что кто-то из его кошачьей семьи живет теперь за границей, как эмигрант. Хоть сам он толком не очень знает, что такое было при царском режиме, но чувствует всеми коготками, что бабушка его не иначе как при дворе служила. Ибо теперешняя его подопечная Екатерина Дмитриевна была внучкой самой настоящей фрейлины, которая состояла в свите царской фамилии. Родителей, активно участвовавших в деле революции, она вспоминала вскользь и с неизменной грустью, а вот жизнь бабушки, истории ее службы при императрице и отношения с дедушкой волновали и теребили ее душу до сих пор.

Екатерина Дмитриевна даже одевалась старомодно, стараясь хотя бы отдаленно походить на портреты далеких придворных родственников.

Она жила в старинном доме, в квартире, которая досталась ей благодаря деятельности родителей, хотя она не любила об этом говорить. В серванте, на бесчисленных полочках и подставках хранились чудом уцелевшие вещицы царской эпохи, которые наполняли комнаты духом безвозвратно ушедшего прошлого.

От наследства не осталось и следа еще при жизни бабушки. Поэтому Екатерина Дмитриевна сдавала одну из комнат студентам университета. Так случилось, что первый ее квартирант учился на историческом факультете. Как-то хозяйка обмолвилась о том, кем была ее бабушка, и это случайно оброненная фраза поставила невыводимое пятно на чистом сознании будущего историка. Впоследствии здесь селились исключительно представители исторического факультета. Им позволялось приводить к себе друзей и знакомых. Все они без исключения буквально приклеивались к щедрым рассказам о дореволюционных предках Екатерины Дмитриевны. Каждый раз она восторженно улыбалась, вспоминая какой-нибудь особенный случай из придворной жизни или даже анекдот, и благосклонно прощала удивленные вздохи и раскрытые рты студентов. Надо признать, что рассказчица она была великолепная и умела так увлечь слушателей, что те забывали об экзаменах, лекциях и обо всем на свете.

Посиделки и разговоры на исторические темы часто тянулись за полночь и за утро. Потом студенты весьма успешно вставляли какой-нибудь кусочек из квартирных бесед в свою

курсовую, а преподавателям не раз приходилось удивляться, как это возможно, что из года в год их ученики используют в работах одни и те же события и факты.

Сама Екатерина Дмитриевна во время бесконечных распросов и долгих воспоминаний чувствовала, что возвращает себе жизнь, в которой никогда не жила. Ее работа в театре давно закончилась. А личное счастье где-то затерялось, возможно, в далеком прошлом.

Еще во время учебы на театральных курсах она целый год дружила с молодым человеком, студентом химико-технологического института. Он не принадлежал благородному сословию (Хотя стоило ли ожидать этого в рабоче-крестьянские времена?), но был очень вежлив, казался умен и начитан. Его иногда звали на чай. Полная надежд Екатерина Дмитриевна с наслаждением думала, как чудесно и гладко все складывается. Тем более, что ее кавалер с некоторых пор был особенно застенчив, как будто пребывал во власти матримониальных переживаний и планов. Весь мир казался удивительно прекрасным до того момента, когда юношу пригласили на обед.

Настал долгожданный день. Несколько человек и в их числе тот самый кавалер явились к назначенному часу, чтобы за накрытым столом усладить хозяев умной беседой и развлечь последними новостями. Принесли напитки, и гости расселись по комнате, образуя сгустки и кучки интеллектуального толка. Обстановка была чрезвычайно располагающей. Через

некоторое время пригласили за стол. На закуски было подано... Ах, важно ли это?! Разве можно именовать обедом то, что теперь скрывалось за этой фразой? То ли дело при дворе, как рассказывала бабушка... Впрочем, мы отвлеклись.

Почти сразу подали суп – огромная фарфоровая чаша гордо стояла на столе и испаряла непривычные ароматы. Дело в том, что бульон приправили нежнейшими травами, когда-то специально привезенными из Прованса. Этим сушеным веточкам уже было как минимум лет двадцать, а то и все пятьдесят – удивительно, что они не превратились в труху. Видимо, память о бабушке хранилась очень нежно и бережно.

Вдруг – О, Боже милостивый! – сердце очарованной студентки дрогнуло, глаза сами по себе стали увеличиваться, розовый ротик покривился – она не вполне обладала светскими манерами своей любимой бабушки и пока еще не умела скрывать душевные потрясения. Впрочем, она оказалась не единственной, кто пребывал в замешательстве от увиденного зрелища. Интеллигентный юноша из химико-технологического института, который только что увлеченно рассказывал о невероятных достижениях современной науки, о великолепном будущем, которое нас всех очень скоро постигнет, о грандиозном прорыве в промышленности, а кроме того, о пиджаках из непромокающего картона, о хлебе из... лучше и не говорить из чего – теперь молча склонился над супом и с кропотливым спокойствием вылавливал из бульо-

на травинки, предназначенные для придания блюду особого аромата и вкуса, а затем – и это уже было кульминацией всей процедуры – с аккуратной нежностью раскладывал их по краям тарелки. Те, кто был слишком поглощен беседой, а также счастливо сидевшие на другом конце стола не заметили оригинального мероприятия, проводимого будущим инженером-химиком. Сидевшие же рядом и не вовлеченные в разговор настолько, чтобы не видеть происходящего, завороченно останавливали свой взор на уникальной, почти лабораторной процедуре фильтрации бульона. Юноша, впрочем, был настолько сфокусирован на своих манипуляциях с травинками, что не заметил эффекта, им произведенного.

У несчастной внучки, которая была достойной преемницей своей воспитанной бабушки, перехватило горло. Слезы подступили к глазам. Она была готова расплакаться от обиды, унижения и горя, когда ее идеал покрылся страшным позором. Как она могла так обмануться? Что скажут люди? Ведь все знали об их нежной дружбе. Теперь это может навредить ее безупречной репутации... Мысленно бедняжка уже воздела руки к небу и молящим взором просила испепелить невоспитанного гостя. Но помощь свыше не поступила, а предпринять что-то было необходимо. Тогда она трагично опустила голову, спрятала взор под пушистыми ресницами и уставилась в свою тарелку, якобы сосредоточившись над салатом.

На следующий день она не позволила ему себя проводить,

деликатно объяснив, что не может общаться с человеком, который не знает, как вести себя в достойном обществе. Он, естественно, ничего не понял и потому толком не ответил, хотя, кажется, слегка промычал. Что поделать? Словарный запас для любовной ситуации у него был весьма скуден. Вечером в компании друзей, после успешной дегустации изобретения студентов второго курса под названием «Пиво от Васи из группы №1», он вдруг залпом рассказал о непонятном происшествии на свидании и сразу согласился на посыпавшиеся градом утверждения, что девчонки – вздорный и преглупый народ. Расставание, таким образом, получилось само собой.

Екатерина Дмитриевна, чтобы восстановить душевное спокойствие, решила вложить накопившиеся чувства в учебу. Хотя, например, преподаватель пения не оценил это решение по достоинству. Он упорно считал, что, даже если песня трагична, то в хоре не надо размахивать руками. Когда курсы закончились, Екатерина Дмитриевна поступила на службу в театр, где составила отличную карьеру актрисы второго плана. Отдавшись искусству целиком, она так и не вышла замуж.

Конечно, внучке фрейлины не подобает грустить и жаловаться. Но где-то в потаенном уголке души у нее появились зерна сомнения, которые иногда давали ростки подозрений, не совершила ли Екатерина Дмитриевна ошибку, добровольно отказавшись от возможного счастья. Впрочем, в потаен-

ных уголках, как правило, темно, а проблемы с памятью, которые иногда стали появляться, помогали укутать неприятные воспоминания толстым покрывалом времени. Так что у подозрительных ростков не было шансов на будущее.

Кроме того, неволью став известной хранительницей исторических сокровищ, Екатерина Дмитриевна теперь была чрезвычайно занята. Прежде ее жизнь не бывала так наполнена, и уж, конечно, никогда еще не приходилось внучке так часто практиковать светские наставления бабушки. Дело в том, что студенты с особенным рвением, а порой с совершенно диким любопытством задавали вопросы не просто неподобающие или некорректные, а самые что ни на есть непристойные. Екатерина Дмитриевна не переставала удивляться, как можно было столь бессовестно интересоваться деликатными подробностями личной жизни и быта. Однако она крепко держала оборону и некоторые детали обходила в своих рассказах самой дальней тропкой или так завуалированно намекала на них, что сокровенный смысл событий угадывали только самые искушенные и прозорливые адепты истории.

Единственная вольность, которую внучка фрейлины стала себе позволять, – это курение. Не то чтобы она получала от этого мероприятия какое-то удовольствие, но совершать церемонию задымления комнаты каждый раз в разговоре со студентами о былых временах стало своего рода ритуалом. Для Екатерины Дмитриевны это был вызов време-

ни, годам и брэнности современной жизни. Хотя началось все с шуточного подарка от одного отдаленного родственника, работавшего на международных корабельных перевозках, а конкретнее от двоюродного племянника внучки бабушкиной кузины (да, да, и такое бывает). Екатерине Дмитриевне была презентована изящная трубка, мастерски вырезанная из редких пород дерева с инкрустацией драгоценными камнями и привезенная из дальних стран, кажется, где-то в районе Индийского океана.

Сразу же после получения оригинального подарка чувство прекрасного, с грандиозным успехом передавшееся от бабушки-фрейлины, взыграло с полной силой. Первая попытка раскурить трубку закончилась плачевно для кухонного стола. С тех пор он был немым свидетельством того, что спички могут быть опасны даже в руках взрослых. Вторая была успешнее, но дым оказался таким едким, что хозяйка трубки огласила всю квартиру десятиминутным «кхе-кхе» и чуть не умерла от удушья. В следующий раз было противно, потом – не так что бы очень, но со временем Екатерина Дмитриевна оценила красоту движения руки и поворот головы, необходимые для того, чтобы держать трубку и периодически подносить ее к губам. Она поняла, что можно сильно не вдыхать дым, а обходиться легким попыхиванием. Со временем Екатерина Дмитриевна узнала, что существует изысканный вишневый табак и стала ароматизировать им комнату и своих гостей. Элементарный процесс тления высушен-

ных растений превратился в небольшое театральное представление, и теперь это доставляло ей удовольствие, сравнимое разве что с мыслью о присутствии на приеме во дворце.

Среди задымленных гостей квартиры были самые разные и даже странные личности. Объединяло их одно: когда они собирались у Екатерины Дмитриевны, то подолгу сидели или стояли, прислонившись к стене, когда не хватало мест, с недопитой чашкой чая в руке, и внимательно слушали старинную и потому невероятно интересную хозяйку дома.

Исключением был Тимофей, который не благоволил подобным собраниям. Правда, иногда он баловал общественность своим присутствием. Тяга к познанию человеческих душ призывала его выйти в свет, понаблюдать за гостями и послушать их разговоры, а заодно нарочито громко пофыркать на дым и показать свое неудовольствие. Впрочем, каждый раз после очередного сеанса психологического анализа он приходил к неутешительным выводам об особенностях человеческой природы: «Все что-то расспрашивают о прошлом, про дела, так сказать, давно минувших дней. А настоящее? Где же оно? Не пора ли обратить внимание на насущные проблемы и задачи современности? Вот, к примеру, не худо бы узнать, что сегодня на ужин... Хотя это всего лишь люди. Что с них взять? Любой дворовый кот, самый распоследний и самый драный из всех, гораздо сообразительнее и практичнее». Затем Тимофей убежал на кухню,пил молочко из блюдечка с золотым ободком, и сразу его на-

строение улучшалось: «Что это я брюзгу разыгрываю? Пора бы заняться своим внешним видом».

В качестве заключительной терапии для поднятия духа Тимофей шел точить коготки об огромный диван. Надо заметить, что это было неудобно хозяйке квартиры (Кстати, по документам именно она, а не Тимофей являлась собственницей недвижимости). Тимофей знал, что попытка подрать сидение дивана может закончиться летящей в его направлении туфелькой с жестким каблуком, соприкосновение с которым как-то уже доставляло ему неприятные ощущения в боку. Тем не менее коготки словно по волшебству сами тянулись к огромному, обитому бархатом предмету, уже порядочно изодранному за те несколько лет, что Тимофей обретался в этом доме.

Естественно, в кульминационный момент, когда по всему извивающемуся тельцу побежали мурашки удовольствия от ощущения вибрации рвущихся нитей, от звука вонзающегося острия в мягкую пружинистую поверхность, дверь тихонько скрипнула (отличное свойство дверей, предупреждающее об опасности!), и вошла Екатерина Дмитриевна. Через огромные очки она неминуемо разглядела, чем занят ее визави, и стала грозить ему пальцем, недовольным тоном произнося что-то вроде «Ишь ты!» или «Ах, ты!». Уши виновного знали, что натворили когти, и, не дожидаясь мозгового импульса, составили отчет о последствиях и моментально прижались к голове в тщетной попытке замаскироваться.

Затем весь Тимофей на мгновение насторожился и замер. Но секунду спустя его хвост уже его зил прочь от дивана в огромную библиотеку с лабиринтом полок и стеллажей, откуда достать его было неизмеримо выше человеческих возможностей. Однако Тимофей был личностью незаурядной и, если не начитанной, то очень належающей на солидных и проверенных временем книгах. Посему, не добежав до заветного укрытия, он под влиянием неведомой силы воображения прыгнул с пола на стену и сполз с нее на когтях, цепляясь за обои в цветочек, а с некоторых пор еще и в полосочку, ибо в метре от пола они были разрезаны когтистыми лапками и свисали тонкими полосками вниз. Надо заметить, что внучка фрейлины также обладала некоторыми талантами и сумела разгадать хитрый маневр Тимофея. Легким движением она шагнула к стене и преградила отступление диванного хулигана. От неожиданности Тимофей совершил еще большее преступление, на которое в обычной ситуации он никогда бы не отважился. Отрезанный от входной двери, он что есть силы прыгнул в сторону окна и оказался висящим на прекрасной бархатной шторе. Это было уже сверх меры! Рассерженная дама одним махом переместилась к окну. Несмотря на почтенный возраст, она не уступала Тимофею в физической активности и сообразительности, так как близкое и многолетнее их соседство способствовало взаимообмену навыками. Она ловко обхватила Тимофея обеими руками и стала оттаскивать его от мягкой струящейся ткани. Однако когот-

ки уже успели зацепиться за штору, в результате чего она потянулась вслед за пушистым тельцем.

– У тебя же есть специальная портьера, чтобы по ней лазить! – возмущалась Екатерина Дмитриевна. – Я нарочно оставила ее, чтобы ты мог свободно упражняться. Зачем лезть на новую, тем более в гостиной?! Это декорация окна, для красоты и удовольствия. Неужели непонятно, что она не для того, чтобы по ней сновать вверх и вниз?

– А зачем вешать новые портьеры?! – с не меньшим возмущением мяукал Тимофей. – Можно прекрасно обходиться старыми, чтобы свободно лазить по ним и качаться во все стороны, пока лапки не отвиснут от расслабления. Неужели непонятно, что в гостиной гораздо удобнее раскачиваться? Ведь здесь есть простор для разбега, а в той конурке, куда переместили мои занавески для качания, – извольте сами взглянуть! – деваться просто некуда. Ни разогнаться толком, ни спрыгнуть с наскока на мягкий диван. Да и окна там нет, а мне доставляет чрезвычайное удовольствие покачивание и одновременное лицезрение дальних горизонтов. Кроме того, в конурке портьера висит напротив кладовки, и там совершенно неудобно маневрировать, так как всегда есть опасность угодить в ведро или какой-нибудь старый мешок с малопонятным содержимым. Я не то существо, которое позволит себе опуститься до прыжков в нечистые помещения, – с достоинством закончил Тимофей и, удачно выкрутившись из державших его рук, быстренько выбежал из

гостиной, чтобы где-нибудь срочно затаиться от гнева Екатерины Дмитриевны.

***

Во время появления инопланетянина внучка фрейлины читала петербургские воспоминания Александра Бенуа и, видимо, от удовольствия покачивала в руке слегка дымящейся трубкой. Уже довольно глубоко погружившись в болотистый дух набережной канала Грибоедова, она услышала странное чихание и постанывание. Первой ее мыслью было подозрение, что Тимофей в очередной раз полез в пыльный угол полежать под старыми багетами, на реставрацию которых не было средств, а выкинуть было бы историческим кощунством. Посему лежали они кучей в углу и преспокойно накапливали пыль. Рядом располагался радиатор отопления, и Тимофей был до чрезвычайности равнодушен к этому теплomu местечку. Он залезал в проем между золочеными рамами и возлежал там, как аристократ, почивающий среди величественных остатков разрушенного, но дорогого сердцу замка.

Стонущие звуки продолжились. Екатерина Дмитриевна отвлеклась от книги и посмотрела вокруг. Тимофей, взъерошенный, с выгнутой спиной, стоял посреди комнаты и произносил что-то очень противным и совершенно несвойственным ему голосом. Екатерина Дмитриевна удивилась и

совсем отложила книгу. Прислушавшись, она поняла, что источник звуков располагался вовсе не в углу, взлелеянном Тимофеем, но где-то сверху, под потолком. «Может быть, соседи? – предположила она, но тут же усомнилась в своей версии: – Нет, не может быть – слишком хорошо слышно». Звук действительно был совсем рядом. Надев пенсне и внимательно изучив пространство вокруг вентиляционного отверстия, Екатерина Дмитриевна рассмотрела какое-то шевеление за решеткой. Почти сразу сквозь кованый цветочек стал просачиваться лохматый и грязный некто. Поначалу он был похож на домового. Хозяйка испугалась, так что почти по-настоящему закурила свою трубку, но потом с сочувствием заметила, что тот совсем чахлый, еле двигается и, видимо, не вполне здоров. Некто остановил движение неподалеку от решетки под потолком и, опираясь исключительно на воздух, завалился на бок. Почему он остался в висячем положении и не упал, было неясно. Возможно, его утомление было настолько велико, что даже падение было выше его сил.

Приглядевшись к незнакомцу, Екатерина Дмитриевна убедилась, что это был не домовый, а скорее всего, инопланетянин. Сразу после удивительного открытия интеллигентная дама неинтеллигентно открыла рот. Пожалуй, на сей раз такое поведение было извинительно даже для внучки фрейлины, ибо не каждый день видишь у себя дома существ, запросто висящих в воздухе. Ее курительная трубка, естественно, подчинилась земной гравитации (тут уж ничего не подела-

ешь) и полетела вниз. По случайности, также характерной для земной жизни, именно в месте падения оказался Тимофей, который почуяв присутствие незнакомца и так уже порядочно искрил вздыбленной шерстью, а тут стал еще и дымиться от горячего пепла, попавшего на торчащий мех. Кот зашипел.

– Тимофей, разве ты не видишь, что он неважно себя чувствует? Это не какой-нибудь злой дух или привидение. Он тебе ничего не сделает. По-моему, – задумчиво и серьезно произнесла хозяйка, – это инопланетянин. Наверное, он заблудился и очень устал в дороге.

Гость спустился пониже, но остался висеть на почтительном расстоянии от хозяйки дома. Он представился как Елоне с планеты под названием... честно говоря, с труднопроизносимым названием. Он с необычайной горестью поведал, что у него сломался передвижок, и он застрял в земном мире без еды и без воздуха. На планете людей и котов ему было нечем дышать и нечего есть уже несколько дней.

– Ах, несчастный! Тимофей, наш долг – помочь этому человеку. Ах, простите великодушно. Я хотела сказать, помочь инопланетянину.

– О, вы очень добры. Если бы только вы нашли возможность мне помочь! Я был бы очень благодарен.

– Мой милый друг, скажите мне, пожалуйста, что я могу для вас сделать.

– Видите ли, сударыня, на нашей планете воздух – это метан...

Екатерина Дмитриевна вопросительно приподняла брови.

– Это такой газ. Мы привыкли дышать им. А здесь у вас в основном кислород, азот и... и, одним словом, очень сложно добывать себе воздух для полноценного дыхания. Кроме того, я очень проголодался. Мне совершенно необходимо съесть как можно больше хлора. Мой организм уже сам делает реакцию, и даже несмотря на отсутствие прямых солнечных лучей, я синтезирую достаточное количество энергии для возвращения домой.

– Мне весьма неловко, но я ума не приложу, где же я могу взять для вас этот самый мена... мета... или хлор. Я, к сожалению, не химик, и в кладовой у меня нет запасной лаборатории.

– Но, возможно, у вас есть газовая плита? Люди с ее помощью делают себе еду.

– Конечно! – обрадовалась хозяйка. – Будьте добры, пройдите на кухню. – Вдруг она спохватилась: – Вы ведь в состоянии пройти в соседнюю комнату? Или пролететь?

– Да, да. Куда прикажете.

«А он хорошо воспитан», – не без удовольствия отметила внучка фрейлины, следуя на кухню. Когда она вошла, Елоне уже висел возле плиты. Видимо, перемещался он каким-то другим способом.

– Вы разрешите мне присесть?

– Пожалуйста, – хозяйка указала на стул.

– Нет-нет, на плиту. Мне нужно подышать.

– О, простите, я не поняла. Да, конечно. Сколько угодно.

Елоне уселся на две горелки и стал слегка вдыхать воздух вокруг себя, однако через несколько секунд поморщился и удрученно заныл:

– Не работает. Газа нет. Есть какие-то остатки, но мне этого не хватит. Неужели я задохнусь?

– О, не расстраивайтесь, пожалуйста. Надо держать себя в руках даже в самых безвыходных ситуациях. – Вдруг внучка внимательно посмотрела на Елоне и спросила: – А если я вам включу газ, может быть, так будет лучше? Только будет горячо. Не могли бы вы, любезный друг, немного отодвинуться?

Елоне подчинился. Екатерина Дмитриевна зажгла сразу две горелки. Они вспыхнули и заколыхались синеватыми язычками пламени. Елоне ахнул! Он тут же стал жадно вдыхать. Хозяйке стало его жалко. Бедняга. Дышать нечем. Это уж последнее дело. Через несколько минут Елоне вместо серого приобрел голубоватый оттенок и с удовольствием вздохнул.

– Как хорошо. Вы меня спасли, добрейшая сударыня!

– Да, но вы сказали, что голодны. Я не знаю даже, как вам помочь. Человеческая пища вам, кажется, не вполне...

– О, не беспокойтесь. Мне нужен всего лишь хлор. Самый обыкновенный.

– Да, но где его взять? Минутку, – Екатерина Дмитриев-

на мысленно перебирала варианты, – а не подойдет ли вам хлорка? Это такое чистящее средство. Правда это, можно сказать, яд, – она виновато посмотрела на Елоне.

– Возможно, у вас имеется, прелестная хозяйка дома, натрий хлор? Это было бы мне очень кстати.

– Видите ли, я уже говорила, что не очень сильна в химии.

– Это земная формула соли, которую вы употребляете в пищу.

– Да что вы говорите?! – внучка в удивлении развела руками. – Тогда сколько угодно. У меня есть небольшой запас. Надеюсь, вам этого хватит. Около двух килограммов, кажется.

Достав из кухонного шкафа аккуратно завязанный пакет, хозяйка поставила рядом с плитой недавно вскрытую пачку с крупной надписью «Соль поваренная». Радости Елоне не было предела. Он начал дергаться, так что хозяйка даже запереживала, не припадок ли у него от внезапного счастья. Однако инопланетянин быстро пришел в себя и, приговаривая: «О, милейшая хозяйка милейшего дома!», – аккуратно брал щепотку соли и бросал ее прямо на газовую горелку. Тут же вспыхивал ярко оранжевый огонек, и Елоне ловил его с величайшим удовольствием. Постепенно он стал темнеть и покрываться блестящими пупырышками желтого оттенка, пока окончательно не превратился в кусочек ночного неба, усыпанного яркими золотистыми звездами. Выглядел он замечательно. Даже несмотря на странность такого вида,

внучка фрейлины не могла не оценить красоты своего оригинального гостя.

Когда Елоне улетел, в квартире все замерло. Как будто не только жители, но и все вещи обдумывали происшедшее. Первым очнулся Тимофей, который, оправившись от страха, начал проказничать с таким рвением, что внучка фрейлины помчалась за ним вдогонку, окончательно забыв этикет и манеры. Она сняла одну туфлю (Совсем уж неслыханно! К счастью, никто не мог видеть подобного падения нравов.) и, держа ее в руке, как факел, с угрожающим выражением лица и неизменной ругательной фразой «Ах, ты!» помчалась вдогонку за хулиганом. Кот изо всех сил запрыгал вон из комнаты. Как назло, сквозняк захлопнул дверь прямо перед его носом. Тогда, моментально проанализировав сотни логических операций по избежанию наказания, он метнулся на стенку и, скользнув когтистой лапкой вдоль симметрично разбросанных цветочков, почувствовал, что под обоями скрывается что-то странно мягкое. Тогда он прыгнул на стенку еще раз и... очутился в кухне. Даже не задумавшись об удивительном свойстве каменных стен, доселе ему неизвестных, Тимофей продолжил удирать и спрятался в буфете, куда давно научился открывать дверцу. Огромная фарфоровая супница императорских времен уже давно служила ему отменным укрытием.

Внучка фрейлины с туфлей-факелом также встретила

препятствие в виде захлопнувшейся двери. Но, охваченная грациозно-стремительной погоней, она, не сомневаясь и не задумываясь ни на миг (Таково было негодование!), продолжила преследование по пути преступника, даже когда Тимофей исчез за обоями. Внезапно очутившись на кухне, Екатерина Дмитриевна сообразила, что прошла сквозь метровую каменную стену. Тут же она резко остановилась. Случилось это не из-за того, что она сама прекратила движение, а потому что подол длинного платья и кусочек каблучка застряли в стене. Их словно замуровали. То же произошло с прядью завитых волос. От неожиданности Екатерина Дмитриевна замерла в молчании. Лишь округлившиеся глаза и приподнятые брови явно свидетельствовали о том, что самые разные мысли и чувства лихорадили благовоспитанную внучку фрейлины. Даже ее бабушка, наверное, никогда не попадала в такое необычное положение. Это был испуг, смятение, недоверие, любопытство, удивление, смех и много другого, чего и перечислять не стоит, ибо список может оказаться бесконечным до неприличия. А внучка фрейлины не допустила бы этого, так как была прекрасно воспитана. По этой же причине, оказавшись в затруднительной ситуации, не стала она ни кричать, ни звать на помощь, ни тем более жаловаться на судьбу. Характер не позволил ей даже унывать.

Первым делом необходимо было понять степень владения собственным телом, чтобы выяснить, насколько силь-

но придворная дама застряла в древних стенах, возведенных более двухсот лет назад и, следовательно, очень прочных и непроницаемых. Отцепив напряженные пальцы от туфли и пошевелив ногами, Екатерина Дмитриевна поняла, что в целом свободно передвигает собственный организм. Однако собравшись пройти, она явственно ощутила, будто кто-то сзади сильно схватил ее за волосы. Едва удерживая равновесие (это было не так-то просто, учитывая, что правая нога была по-прежнему обута в туфлю на каблучке, а левая совершенно боса), бедняжка качнулась и слегка ударилась плечом и головой об стену. Никакое светское воспитание в мире не могло бы сдержать и не сдержало вырвавшийся наружу возглас «Ой!» и потом еще какое-то междометие, похожее на мяуканье.

Сидевший за супницей Тимофей, услышав что-то знакомое, хотя и не вполне понятное, наострил уши. Через несколько секунд, когда звук не повторился и в кухне слышалась легкое шуршание, он поддался врожденному чувству непреодолимого любопытства и стал потихоньку выбирать-ся из-за фарфорового убежища, тем более что там становилось скучно и неинтересно. Кроме того, он прекрасно знал, что гроза уже давно минула, ибо внучка фрейлины никогда не позволяла себе гоняться за ним на расстояние более двух комнат. Это вредило осанке и цвету лица.

Тихонько приоткрыв тяжелую резную дверь буфетного шкафа, Тимофей бесшумно вынырнул наружу. Увидев рас-

терьянную Екатерину Дмитриевну, стоящую в нелепой позе у стены (уже без туфли в руке, как сразу же заметил зоркий кошачий глаз!), Тимофей смекнул, что угроза расправы и вправду миновала. Тогда он начал озираться в поисках того, кто мог бы издавать мяукающие звуки, однако не обнаружил ни одной особы кошачьей породы. Жаль, ибо где-то на дальних горизонтах сознания он уже рисовал себе нежную мордочку бело-рыжего цвета с яркими зелеными глазами, которые он регулярно наблюдал на подоконнике в доме напротив. Тимофей разочарованно вздохнул и стал раздумывать, кто бы мог тогда здесь мяукать.

Единственный вывод, который приходил в голову, был несколько странен. Но с ним приходилось мириться, ибо в комнате, кроме него и застывшей дамы, никого не было. Тогда Тимофей подумал второй раз и логично предположил, что именно она, то есть дама, пытается с ним поговорить, но, будучи малообразованной в языках, не в состоянии это сделать грамотно. Несмотря на всю свою пушистость, кот не знал, что Екатерина Дмитриевна владела несколькими языками и успешно пользовалась этими умениями, когда ее приглашали в архив библиотеки, чтобы перевести или рассортировать по каталогам историческую придворную корреспонденцию.

Тимофей благородно решил оказать несчастной помощь, подошел к ней поближе и попытался начать разговор – медленно и очень вятно. Каково же было его удивление, когда

Екатерина Дмитриевна, вся сотканная из этикета и воспитания, ничего не ответив, отвернулась от него к стене и стала слегка дергать застрявшую часть прически в тщетных попытках извлечь ее из камня. При этом она слегка постанывала. Словом, мурлыкать у нее опять не получалось. Увидев, что дама в безнадежном положении, Тимофей, истинный кавалер от природы, не мог оставить ее в беде. Кроме того, он рассчитал, что свободно передвигающийся поставщик еды лучше прикованного к стене. Легким прыжком он взлетел на стул, потом на плечо несчастной, потом на стенку и, махнув лапкой, высвободил завитую прядь из заточения. Приземляясь, он изящным движением кончика хвоста вытолкнул из стенки застрявший подол платья. Все произошло не просто быстро, а молниеносно, так что Екатерина Дмитриевна даже не успела испугаться. Когда же она почувствовала свободу движения головой и всем телом, то и вовсе забыла о неподобающем использовании ее плеча в качестве трамплина для прыжка. Освобожденная дама поправила прическу, нежно провела ладонью по голове Тимофея, который тут же весь изогнулся, чтобы максимально увеличить площадь поглаживания. Слова похвалы начались с уже знакомого «Ах, ты», но продолжились приятным «мой хороший». И все это было произнесено хоть и не благообразным мурлыканием, но покладистым и благодарным тоном, соответствующим положению спасенного.

Тимофей, довольный и веселый, отправился в свой уголок

почивать перед обедом. Ибо каким-то особым внутренним нюхом он почуял, что через короткое время обязательно последует трапеза, и непременно в ней будет присутствовать одно из его любимых блюд. Однако природная бдительность его не дремала (ни до, ни после, ни во время сна). Поэтому, когда Екатерина Дмитриевна потянулась за туфлей и попыталась ее извлечь из стены, Тимофей произнес негромкий, но твердый протест, на что внучка фрейлины пожала плечами и, жалостливо взглянув на туфельку, сказала: «Не оставлять же ее висеть так... Можно, конечно, рамку вокруг повесить. Будет хотя бы на картину похоже. Но это какой-то глупый модерн получится. А я его, как тебе давно известно, не люблю». Внучка фрейлины впервые сказала Тимофею «ты». Вероятно, это было особым знаком признательности и расположения. И, действительно, с тех пор двое в квартире жили особенно весело и дружно.

Привыкнув, что Тимофей все время ходит сквозь стены, Екатерина Дмитриевна не сразу, но постепенно тоже перестала пользоваться дверьми и почти никогда не застревала.

Волшебство, которое не видят

Никлуш вернулся домой недовольный и усталый, даже измученный. Перелет был недолгим, но с некоторых пор любое передвижение стало его утомлять. Причина тому была одна и, кроме того, слишком очевидна. Уже давно он догадывался, что когда-нибудь это должно произойти, но все же теперь совершенно не был готов к жизни в новых условиях и мечтал о прежних временах и порядках. Случилось то, что любая его вылазка из лесопарка в город стала бессмысленной. Его появление никто и нигде не замечал. Его существование никого не интересовало и не вызывало даже любопытства, не то что удивления или страха. Мир изменился. Никлуш понимал, что это надолго, очень надолго. Также он знал, что ему теперь небезопасно покидать родное болотце, знакомое до последней веточки и уже наполовину иссохшее.

Никлуш сидел на мягкой траве под старым высоким дубом и смотрел на небо. Мутноватые темно-серые тучи показывались сквозь густую крону и напоминали цвет небольшой лесной речки, где он родился. Речка та и вся заводь рядом давно пересохли из-за плотины, возведенной много лет назад. Остались, правда, в округе кое-какие озера. Но там либо очень шумно из-за машин, либо много рыбы и людей, которые приходят ее ловить и мутят воду. Ах, какое это было волшебное место! Прохладно, влажно и все время ветер.

Сколько рек было и вообще всякой воды и болот! Сейчас это строгие каналы, выложенные в камне, а вокруг, на сколько хватит взгляда, построены дома, мосты и дороги. Такое близкое соседство цивилизации всегда было неудобным. Лишнее любопытство ни к чему хорошему, как известно, не приводит. Хотя кто бы говорил о неудобном соседстве? У нынешнего дома Никлуша день и ночь слышен рев машин, а сверху регулярно доносится звук двукрылых железяк. В начале января, самое время для активной и плодотворной профессиональной деятельности, приходится выходить под грохот фейерверков. Он со своими горящими угольками в кармашках просто смешон. Он и раньше знал, что настанет время, когда придется обходиться без работы, без развлечений, даже прятаться и искать новое жилье. Но теперь... Никлуш даже боялся подумать о том, что могло быть теперь.

Воспоминания о сегодняшней вылазке в город с новой силой стали возникать в его воспаленной голове. Он будто снова видел вереницы автомобилей, огни вдоль дорог, огромные яркие витрины магазинов и вывески ресторанов, а главное толпы и толпы самых разных людей. Одни шли или ехали плотным потоком по улицам, другие беседовали за столиками в кафе, третьи просто гуляли, но в подавляющем большинстве они спешили. Кто, куда и зачем он не знал да и не хотел знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.